

А.З. МАНФРЕД – БИОГРАФ НАПОЛЕОНА (СОВЕТСКАЯ НАПОЛЕОНИСТИКА ОТ 1930-Х К 1960-М)

А.В. Гордон

В мае, если не ошибаюсь, 1968 г., придя к Альберту Захаровичу на Кутузовский проспект, я застал своего научного руководителя необычно оживленным, в приподнятом настроении. Сразу после приветствий, едва мы прошли в его кабинет, услышал: «Наконец, могу написать книгу о нем». «О Робеспьере?», – как само собой разумеющееся уточнил я. «Нет, – с явной досадой возразил А.З., – о Наполеоне». До сих пор помню свое изумление. Лишь недавно я услышал от Светланы Валериановны Оболенской, что еще в 1947 г. выпускницы МОПИ, зная о расположенности любимого профессора к Наполеону, на прощание подарили ему статуэтку французского императора. Тесно общаясь с Манфредом больше шести лет, я и не подозревал об этой затаенной симпатии.

А книгу о Неподкупном я действительно ждал. Незадолго перед этим в скверике возле ФБОН¹ у нас была беседа. Манфред спрашивал, как можно ответить на полемические выступления В.Г. Ревуненкова. Я предлагал для начала издать сборник статей специалистов (В.С. Алексеева-Попова, С.Л. Сытина, А.В. Адо, конечно В.М. Далина и А.З. Манфреда, а также самого себя) с развернутым изложением мнений по затронутым вопросам, с оценками природы якобинской диктатуры. Манфред возразил: «На книгу надо отвечать книгой». И, помедлив, добавил, что думает о переиздании своей работы о Революции. Взглянув в мое лицо, на котором, очевидно, выразилась сумятица чувств, замолчал. Да, он был прав: мне эта идея не казалась перспективной. Сводная работа «Французская буржуазная революция конца XVIII в.», изданная в 1950 г. и переизданная в 1956 г. под названием «Великая французская буржуазная революция», соответствовала своим учебно-просветительским целям, была полезна и хороша для своего времени.

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

¹ Фундаментальная библиотека по общественным наукам, в просторечии «Фундаменталка» – теперь ИНИОН – размещалась на Знаменке, тогда ул. Фрунзе.

Манфред сделал более цельной и четкой ту схему Революции, которую выработали советские историки в предвоенный период. Ревуненков же представил контр-схему, опираясь на материалы, введенные в оборот после войны, главным образом Альбером Собоулем. Дискуссия вокруг заявленных схем представлялась мне малопродуктивной. Поэтому я сказал своему научному руководителю: «Нужно что-то новое».

Разговор тогда закончился, и следующую беседу я воспринял как его непосредственное продолжение. Мне показалось, что собеседник прислушался к моему мнению. Я думал, как думаю и сейчас, что научная биография Робеспьера, написанная Манфредом, была бы интересна и полезна. Мнение об А.З. как о мастере исторического портрета к тому времени уже сложилось (очень разные и по-разному относившиеся к его творчеству люди единодушно высоко оценивали, например, биографический этюд о Мирабо). Присущее А.З. образно-целостное восприятие исторического сюжета, несомненно, должно было принести свои плоды.

Услышав о замене Робеспьера Наполеоном, я был разочарован и, похоже, даже воспринял это как «измену» истории Революции. Манфред, игнорируя впечатления, которые вызвало у меня его сообщение, между тем продолжал: «*Теперь* я могу это сделать», т.е. написать книгу о Наполеоне. Уместно прокомментировать, что означало «теперь». Сам автор в предисловии к своей книге пишет: «В течение многих лет, работая над наполеоновской темой, я не считал себя морально вправе публиковать что-либо по этой проблематике»².

Препятствием были названы пиетет к Е.В. Тарле, высокая оценка его труда о Наполеоне, ставшего исключительно популярным в предвоенный период благодаря многотиражным переизданиям. Что же побудило «снять табу», которое, по словам Манфреда, он сам и наложил? «Миновало более тридцати пяти лет... Мир во многом стал иным, и поколение 70-х годов XX века... видит и воспринимает многое иначе, чем люди 30-х годов». Между тем, «в силу многих причин общественный интерес к наполеоновской проблематике не исчезает, и, видимо, каждое новое поколение стремится по-своему осмыслить эту старую, но не состарившуюся тему»³. Все это так. Смена эпох, смена поколений – кто станет спорить? Но приходит на ум еще одно неназванное обстоятельство – известная идеологическая коллизия 60-х годов. Придя в аспирантуру к Манфреду в 1961 г., я попросил у него в качестве диссертационной темы падение якобинской диктатуры. Манфред возразил, сославшись на ее «непроходимость», а спустя 10 лет сам предложил Е.В. Киселевой историю термидорианского переворота.

² Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 4.

³ Там же. С. 4-5.

«Теперь это можно», – отметил он. Какие конкретно изменения имел в виду Манфред, говоря в обоих случаях «теперь», могу только догадываться. Однако суть мне была очевидна: в те годы подобные намеки означали, как правило, «режимность» темы, нежелательность ее разработки по тем или иным идеологическим мотивам, и снятие таковой.

Как воплощал Манфред мечту своей жизни? Виктор Моисеевич Далин, ближайший друг А.З., безмерно восхищавшийся всем его творчеством, был совершенно прав, когда писал об «огромном интеллектуальном подъеме», который испытывал тот, создавая «Наполеона Бонапарта»⁴. Могу засвидетельствовать: работа шла очень споро. Вообще Альберт Захарович исповедовал принцип «ни дня без строчки» и настоятельно рекомендовал его другим; но книга о Наполеоне создавалась, по-моему, иначе – с юношеским увлечением, вызвавшим большой прилив энергии. Могу судить по тому количеству книг, которые я регулярно доставлял из Фундаменталки на Кутузовский.

Кажется, еще до завершения работы в целом автор приступил к ее апробации. На заседании Французской группы он сделал доклад об Египетской экспедиции (одна из глав книги). Меня доклад заинтриговал больше всего ориентальными мотивами, о которых я до той поры не слышал (а подробнее узнал об увлечении Наполеона Востоком много позднее). Восхищение собравшихся было всеобщим и вполне искренним. Критическую ноту внес Б.Ф. Поршнев, который в своеобразной аллегорической форме довел до коллег свои размышления об общественном значении и идеологическом смысле завершеного Манфредом труда. «Книга рассчитана на успех и будет иметь успех»⁵, – заявил Б.Ф. Слово «расчет» вызвало легкое раздражение у автора, судя по обмену репликами с Далиным. На мой тогдашний взгляд, однако, горше было продолжение поршневыской речи. Б.Ф. рассказал о своей поездке к горам Тянь-Шаня, о том, как в отдаленном кишлаке их принимал председатель местного колхоза-миллионера. Этот человек в ставшей знаменитой, благодаря портретам И.В. Сталина, полувоенной форме – френче со звездой Героя – устроил, как водится, пышное застолье, на котором

⁴ Далин В.М. Мастер исторического портрета // Далин В.М. Историки Франции XIX – XX веков. М., 1981. С. 302.

⁵ Книгу Манфреда действительно ждал успех, но такой, какого, по-моему, не ожидали ни Поршнев, ни сам автор. Далину обсуждение ее в Политехническом музее напомнило 20-е годы, выступление в этом зале В.В. Маяковского (Там же. С. 302). По свидетельству Н.Н. Молчанова, первое издание книги разошлось за несколько часов (*Молчанов Н.Н. По-новому о Бонапарте // Литературная газета. 1972. № 16. С. 14*). Могу подтвердить это свидетельство, поскольку подаренный мне автором экземпляр переходил из рук в руки, и я временами не знал, у кого он находится, и не чаял, что он ко мне когда-нибудь вернется.

неожиданно заинтересовался: «А что, товарищи историки, нет ли чего новенького о Наполеоне?».

Имел ли Поршнева в виду, что потребность в новой биографии Наполеона связана с подъемом сталинизма, ощущавшимся тогда в стране, или только констатировал переплетение интереса к двум историческим личностям? Как бы то ни было, уйти от этого переплетения оказывалось невозможно. Отнюдь не из гоголевской «Шинели», а из другой, по легенде, «боевой шинели» («и сам товарищ Сталин в шинели боевой, и сам товарищ Сталин помашет нам рукой») вышла советская интеллигенция 60-х годов, и тем, кто брался за образ Наполеона, приходилось учитывать читательские ассоциации, закреплению которых вольно или невольно способствовал Евгений Викторович Тарле своей книгой, написанной и изданной в пору утверждения сталинского полновластия.

Книга Тарле имеет необычную историю, которая напоминает приключенческий роман, где мелодраму заменила политическая интрига. Сначала появляется труд осужденного по «академическому делу» и ошельмованного историка, который положительно оценивают коллеги-академики, включая бывшего идеологического оппонента Тарле Н.М. Лукина⁶, и с большим интересом встречает «широкая» общественность. Затем следует залп уничтожительной критики с партийного Олимпа⁷. Однако критика тут же дезавуируется, но в довольно двусмысленных выражениях, и автору предоставляется право «антикритики», которое гарантирует ему с большой оперативностью и неслышанной предупредительностью самолично советский вождь⁸.

Сам историк воспринимал свой труд как правительственный заказ. Ему сообщили, кто будет первым читателем, и, естественно, еще не реабилитированный и невосстановленный в Академии автор хотел угодить вкусам высокопоставленного Читателя. Можно лишь предполагать, как выступивший в роли редактора книги Карл Радек (близкий в

⁶ Лукин Н.М. Рец. на кн.: Тарле Е. Наполеон. 624 стр. // Историк-марксист. 1937. № 1.

⁷ Константинов А. История и современность (По поводу книги Е.Тарле «Наполеон») // Правда. 1937. 10 июня; Кутузов Дм. Против фальсификации истории // Известия. 1937. 10 июня.

⁸ «Мне казалось, – писал Сталин Тарле 30 июня 1937 г., – что редакционные замечания "Известий" и "Правды", дезавуирующие критику гг. Константинова и Кутузова, уже исчерпали вопрос, затронутый в Вашем письме... Я узнал однако недавно, что редакционные замечания этих газет Вас не удовлетворяют... За Вами остается право остановиться на форме антикритики, наиболее Вас удовлетворяющей (выступление в газете или в виде предисловия к новому изданию "Наполеона")». – Цит. по: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб, 1995. С. 59. См. также: Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Е.В. Тарле и его книга о Наполеоне // Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 579.

1936 г. к генсеку) обрисовал эти вкусы. Думаю, что впрямую говорилось об исторической роли выдающейся личности (эта идея широко озвучивалась тогда, в том числе Радеком⁹, в рамках кампании против «школы Покровского»). Обоим, и автору, и редактору, приходилось, очевидно, задумываться об «идеальном», в веберовском смысле, типе, обобщающей модели единоличного правителя.

Впоследствии академика нередко характеризовали как сталинского любимца. Точнее было бы сказать, что генсек покровительствовал историку. По словам В.А. Дунаевского, «Тарле вполне устраивал» Сталина «как ученый» и, вместе с другими крупными учеными дореволюционной формации, был востребован в тот момент для намеченной перестройки исторического образования (а заодно и характера историописания)¹⁰. Создание советской биографии Наполеона отвечало целям такой перестройки. Как и все происходившее тогда в историографии, и, разумеется, в большей мере, чем заурядные ее продукты, это, без преувеличения сказать, событие имело отношение к культуре личности. Однако не стоит упрощать: Тарле – редчайший случай – избежал цитирования Сталина, избегал и прямых аналогий. Связь самого текста биографии Наполеона с личностью советского вождя была скорее опосредованной.

Своим образом французского императора бывший представитель *école russe* подстраивался под господствовавшие в советском обществе настроения; и общественное восприятие торжествующего режима личной власти, разумеется, не могло не отразиться в его историческом сознании. Но все это не исключает ни высокий профессионализм исследователя, ни его неподдельный собственный интерес к теме, подлинную увлеченность личностью своего героя. О длительности такого увлечения свидетельствовал ближайший ученик академика П.П. Щеголев¹¹. Может быть, оно и было (как намекал последний) данью известному, «устряловскому» мировоззрению с его культом выдающейся личности правителя, устанавливающего твердый государственный порядок в постреволюционном обществе¹².

⁹ См.: Радек К.Б. Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского // Большевик. 1936. № 5.

¹⁰ Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. М.; Иерусалим, 2000. С. 328-329.

¹¹ См.: Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931. С. 137.

¹² О политическом аспекте появления книги Тарле см.: Кен О.Н. "Работа по истории" и стратегия авторитаризма, 1935-1937 гг. // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. СПб., 1997. С. 108-117; Он же. Между Цезарем и Чингис-ханом: "Наполеон" Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. № 3(6).

Наполеон у Тарле – «деспот по натуре, самодержец с ног до головы», «прирожденный самодержец»¹³. Это самодержец из самодержцев: «Если существовал когда-нибудь на свете деспот, органически не способный ужиться с каким-либо, хотя бы скромным, но реальным ограничением своей власти, то это был именно Наполеон»¹⁴. Историк считал, что диктаторские замыслы сформировались у Бонапарта окончательно еще во время Египетской экспедиции, и генерал «отплыл из Египта с твердым и непоколебимым намерением низвергнуть Директорию и овладеть верховной властью в государстве»¹⁵.

Диктатору, по разумениям преддверия Большого террора, полагалось быть жестоким, и Тарле не прошел мимо этого обывательского советского убеждения или предубеждения. «Полная беспощадность в борьбе была характернейшей чертой Наполеона», причем, как показывает историк, чертой благоприобретенной, в борьбе сначала за независимость Корсики, а затем за власть во Франции. В доказательстве приведены собственные слова Наполеона, что, будучи по природе «добрым человеком», он с ранней юности (когда формировался как корсиканский патриот) «старался заставить молчать эту струну». Наполеон, утверждает Тарле, «принципиально отвергал доброту, считал ее качеством, которое для правителя прямо вредно, недопустимо». В «опровержение известного афоризма», предпочитал «скорее покарать десять невиновных, чем пощадить или упустить из рук одного виновного»¹⁶.

Впрочем, наполеоновская беспощадность иллюстрировалась главным образом примерами расправы с бандитизмом, казнокрадством или мятежами. Тарле отмечал сугубую умеренность императора в отношении политических репрессий, очевидное (намек Сталину?) снисхождение к элите и стойкое неприятие политики террора. Любопытно и сопоставление Наполеона с Николаем I: Тарле подчеркивает, что в отличие от русского царя, жестоко расправившегося с восстанием 14 декабря, а затем сославшегося на князя Васильчикова, доводы которого, дескать, поколебали его «великодушие и человеколюбие», Наполеон «никогда и не думал ни в чем оправдываться и на кого-нибудь сваливать ответственность»¹⁷. Вряд ли этот штрих соответствовал

¹³ Тарле Е.В. Соч. Т. 7. М., 1959. С. 107-108. Я цитирую это издание монографии Тарле о Наполеоне (1942), поскольку на него ссылался и Манфред. Следует учитывать, что от первого издания 1936 г. ко второму 1938 г. и далее текст претерпевал существенную правку в соответствии с рекомендациями официальной критики (Подробнее об этом см. в работах Б.С. Кагановича и О.Н. Кена).

¹⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 98.

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 41, 93.

¹⁷ Там же. С. 40.

образу кремлевского диктатора. По Тарле, получалось, что французский император всегда верил в правоту и справедливость своих действий, в отличие от последнего, который постоянно искал козла отпущения, сваливая ответственность за содеянное на исполнителей своей воли.

Изначально Тарле придерживался амбивалентности в раскрытии отношения Наполеона к Революции («завершитель» и «душитель»). Но после сокрушительной партийной критики первого издания эта двойственность, не исчезая, ретушируется. Революционное происхождение власти отделяется от ее использования, «контрреволюционного» по главному назначению («душитель»). Однако в целом революционность диктатора все-таки не отрицается, она переносится во-вне. Наполеоновские войны до определенного момента характеризуются как своего рода экспорт Французской революции: «освобождал миллионы крестьян от крепостного рабства, провозглашал полное равенство всех сословий... значительно повышал благосостояние населения»¹⁸.

Это один из центральных пунктов книги, который автор защищает с большим полемическим пафосом (при том, что патетики в книге сравнительно немного): «Отрицать очевидный и безусловный факт, что страшный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном имел огромное, вполне положительное, прогрессивное историческое (какое обилие эпитетов! – А.Г.) значение было бы нелепой ложью, недостойной сколько-нибудь серьезного ученого»¹⁹. Революционно-прогрессивное значение деятельности Наполеона для самой Франции оценивается Тарле гораздо скромнее. Во-первых, наполеоновские преобразования отвечали лишь «интересам и потребностям» одного класса, буржуазии, «в особенности буржуазии крупной», а, во-вторых, касались лишь «внешних форм государственной надстройки буржуазного экономического владычества»²⁰.

Наполеон характеризуется как великолепный администратор, установивший в подчиненной Европе эффективное правление и образцовый порядок, и как «гениальный законодатель». Тем не менее, отнюдь не гражданская область приложения наполеоновских талантов была в центре жизнеописания французского императора; выдающийся отечественный историк приберегал самые яркие краски для военных сюжетов. Считая Наполеона как «деятели истории» уникальным явлением, «которое никогда и нигде повториться не может»²¹, Тарле видел эту уникальность, главным образом, в организации огромных многонациональных

¹⁸ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 16

¹⁹ Там же. С. 22.

²⁰ Там же. С. 15, 89.

²¹ Там же. С. 19, 22.

армий и непосредственном командовании вооруженными массами. Безусловно, полководческая деятельность «вождя войск послереволюционной Франции» больше всего служила для Тарле источником вдохновения. Историк находил для оценки военных талантов Наполеона феноменальные определения. Ссылаясь на представления современников («и друзей и врагов»), Тарле называет его «неподражаемым мастером и художником в деле войны, гениальнейшим из всех когда-либо существовавших до того времени великих полководцев, виртуозом военной стратегии и тактики»²².

Нет, увлечение Тарле не доходило до апологетики. Он указывал на захватнический и грабительский характер наполеоновских войн, критиковал допущенные просчеты и типичные слабости, но при том объективно и квалифицированно выявлял особенности Наполеона как «военного вождя» (не правда ли колоритный термин для императора?). Собранная воедино в конце книги эта характеристика привлекает углубленностью историка в изучение специальных вопросов, да и сейчас может представлять интерес с военно-исторической точки зрения. Наполеон, по Тарле, обобщил и развил то, что явили войны Французской революции, и прежде всего под их влиянием заключил, что «в конечном счете массы решают все»²³.

Пересматривая стратегические каноны с учетом такого феномена, как массовая армия, император, по Тарле, не впал, тем не менее, в другую хорошо известную (особенно в нашем Отечестве) крайность – недооценки значения профессионализма. Наполеон подчеркивал роль артиллерии, а также прицельной стрельбы пехоты, как стратег и мыслитель, он констатировал: «теперь сражения решаются огнем, а не рукопашной схваткой». Между тем со школьных лет (т.е. со времен Отечественной) мне приходилось слышать «пуля – дура, штык – молодец». Суворовская прибаутка преподносилась тогдашней советской пропагандой чуть ли не как высшая мудрость русского военного гения. Тарле признавал исключительный полководческий дар А.В. Суворова, высоко ценил его замечательное чувство нового. Но это не помешало историку, не мудрствуя лукаво, заключить: «Наполеон ниспроверг то преклонение перед штыковым боем, которое после Суворова сделалось таким общепринятым, хотя сам Суворов вовсе не отрицал значения артиллерии»²⁴.

Как проявление историком гражданского мужества можно отметить еще одно «неудобное» для отечественной исторической

²² Там же. С. 357.

²³ Там же. С. 389.

²⁴ Там же. С. 385.

мифологии, зацикленной на картинах полнейшего разгрома и разложения «Великой армии», сопоставление. Денис Давыдов так описывает одну из своих операций. Французы отступают, измотанные болезнями, голодом и холодом; казачья конница наносит им серьезный ущерб; тем не менее, императорские гвардейцы демонстрируют замечательную профессиональную выучку, сохраняют стойкость и высокое присутствие духа. Перед лицом неприятеля они шли, как на параде, «осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными султанами и эполетами». «Никогда не забуду, – заключал герой войны 1812 г., – свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти испытанных воинов... Все наши азиатские атаки не оказывали никакого действия против сомкнутого европейского строя... колонны двигались одна за другой, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь над нашим вокруг них бесполезным наездничеством»²⁵.

Почему возникает желание перейти на высокий стиль? Чтобы от- дать должное ученому. Ведь еще в 1937 г. партийная критика, представленная «Дм. Кутузовым» (символический псевдоним сотрудника или, скорее, сотрудников идеологического ведомства ЦК) указала Тарле на то, что история Наполеона важна советскому читателю как привилегированный объект для прославления героизма русского народа. Тем не менее, историк, внося в переиздания «Наполеона» различную идеологическую правку, в данном случае, можно констатировать, не поддавался навязываемым мифологемам и не отступил от своих позиций.

В тексте самой книги о Наполеоне Манфред почти не обозначил критическое отношение к труду своего предшественника и времени его создания; но, разумеется, внутренне осмысливал и частью формулировал отличительность своей позиции. Мне (и наверняка не только мне) он говорил примерно следующее: «У Тарле Наполеон – одиночка, я хочу показать, что у него были замечательные сподвижники». Продолжая эту линию, исследователь противопоставлял французского императора кремлевскому диктатору. Сталин, говорил Манфред, не терпел вокруг себя по-настоящему талантливых людей; Наполеон настолько был талантлив сам, что собрал под своим руководством круг выдающихся личностей.

Действительно, в книге Манфреда немало внимания уделено «когорте Бонапарта», группе молодых офицеров и генералов, сплотившихся вокруг будущего императора со времени первой итальянской кампании. Подчеркивая ее значение, историк пишет, что сочетание

²⁵ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 285.

присущих этим людям «качеств – мужества, таланта, ума, твердости, инициативы» делало эту группу «неодолимой». Главным объединяющим началом явилось, по определению автора, то, что они были «рождены революцией и связывали свое будущее с Республикой»²⁶.

Вот здесь уместно сделать паузу, потому что, как мне представляется, эта емкая и собирательная характеристика вобрала в себя суть позиции, которая оказалась присущей именно Манфреду и которая четко отделила его от авторитетного и обожаемого предшественника. Нельзя назвать А.З. «шестидесятником» в принятом ныне значении, подразумевающем выраженную оппозиционность политическому и идеологическому режиму. Но он всецело разделял идеалы его очищения, «возвращения к истокам», десталинизации, те идеи, что витали в общественном сознании после похорон диктатора, были торжественно провозглашены XX съездом и стали органичными для целого поколения, к которому принадлежали мои учителя и наставники (будьто В.М. Далин, член партии с 1921 г., мой отец – В.Л. Гордон, партиец с 1925 г., или исключенный из партии в 1929 г. Я.М. Захер и, подобно А.З., беспартийный Б.Ф. Поршнев).

Манфред, насколько это было возможно в рамках идеологического канона, пересмотрел, по сравнению с Тарле, отношение императора к Французской революции. Духовный мир Наполеона в результате приобрел динамику, которую собственно запечатлело само заглавие нового биографического труда: вместо «Наполеона», так сказать, прирожденного императора у Тарле, Манфред выводит на титуле «Наполеон Бонапарт». Это не просто необходимая смена вывесок. Зная, с какой ответственностью и чувством стиля подходил мой научный руководитель к формулировкам²⁷, уверен, что вложил он в название своей книги хорошо продуманный, можно сказать выношенный смысл. Самим названием, думаю, Манфред хотел подчеркнуть эволюцию своего героя в его драматическом жизненном пути. Собственно изображение эволюции того, кто стал «императором французов», изображение Наполеона в развитии и трансформации его взглядов, его духа, психики, его мировоззрения и мира чувств и есть, на мой взгляд, главная установка Манфреда. В ней я вижу сильную сторону исследовательского замысла, с ней, в первую очередь, связан вклад историка в обширную наполеоновскую литературу и в конце концов – в современное восприятие Наполеона в России.

²⁶ Манфред А.З. Указ. соч. С. 154

²⁷ Помню, как А.З. посмеялся над предложенным мной названием первой главы диссертации, отметив, что такая формулировка «Весенний кризис 1793 г.» напоминает некое сезонное недомогание

Не называя, понятно, своего отечественного предшественника, Манфред противопоставлял свой труд тем авторам, кто изображал Наполеона «чуть ли не с детских лет» «монархом в потенции», «прирожденным монархом», а вольнолюбивые идеи его юности рассматривал как мимикрию дельца и карьериста, изначально стремившегося к единоличной власти. Если Тарле считал руссоизм молодого Бонапарта чисто эфемерным и декларативным, а презрение к «идеологам» чуть ли не изначальным, Бонапарт у Манфреда формировался «под знаменем великих освободительных идей “партии философов” и был совершенно искренен в непримиримой вражде к старому, несправедливому, ущербному миру и в желании изменить этот мир к лучшему»²⁸.

«Мир лейтенанта Буонапарте – это был мир Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо, Рейналя, Мабли, Вольнея, мир свободолюбивой, мятежной литературы XVIII века. Могло ли быть иначе?»²⁹. Совершенно верно, вопрос риторический. Могло ли быть иначе для корсиканского революционера и увлеченного своей профессией молодого офицера, имевшего слишком мало шансов на реализацию своих знаний и призвания в королевской армии? Далее автор столь же убедительно прослеживает, как жизненные неудачи, поражения в политической борьбе на Корсике приводят к изживанию юношеского романтизма.

В противоположность опять же Тарле, подчеркивавшему исходную антипатию своего героя к якобинству, у Манфреда якобинский этап жизненного пути Бонапарта оказывается вполне органичным, а крушение якобинской диктатуры – личной и политической катастрофой. При взятии Тулона он впервые реализовал свои полководческие способности, получил признание и надежду на возвышение благодаря, не в последнюю очередь, покровительству Огюстена Робеспьера, младшего брата якобинского вождя. Термидорианский переворот обернулся не только арестом: талантливый генерал оказался не у дел, почти нищим в начавшемся «царстве роскоши». Подобно «большинству людей его времени», ему предстояло пройти «через ряд разочарований, порожденных трагическим ходом буржуазной революции»³⁰.

На первый план автором выдвигается при этом нравственная сторона произошедших перемен: «Республика, как только с нее сняли ее якобинские покровы, предстала в своей отталкивающей буржуазной наготе... Она оказалась жестоким миром низменных страстей, волчьей грызни из-за дележа добычи, республикой чистогана, спекуляции,

²⁸ Манфред А.З. Указ. соч. С. 38

²⁹ Там же. С. 33.

³⁰ Там же. С. 178.

хищнического, беспощадного эгоизма, создающего богатство на крови и поте других»³¹. Чтобы объяснить свершившийся у его героя духовный сдвиг, Манфред стремился представить, какие черты термидорианского периода в наибольшей степени могли повлиять на современников, однако, похоже, в привычном для советской историографии стиле (и не только здесь) выразил особенности их восприятия в «дискурсе» иной культуры.

Хотя судьба победоносного генерала резко изменилась после 1796 г., но, доказывает историк, отнюдь еще не завершилась его духовная эволюция «от якобинца к всеильному императору»³². Полемика со стандартными клише продолжается. «С какого времени Бонапарт стал сознательно, планомерно стремиться к установлению своей диктатуры в форме монархии или близкой к ней иной форме организации государственной власти?», – ставит вопрос Манфред. И, отбрасывая как «наивную» и «апологетическую» точку зрения об изначальности монархических замыслов, отвечает: «По-видимому (1), проявляя необходимую научную осторожность (2), можно считать с достаточным основанием (3), что после Маренго, после кризиса IX года Бонапарт вплотную подошел (4) к мысли об установлении своей личной диктатуры в не обусловленной сроком форме»³³. Так, с четырьмя отмеченными мной оговорками, с сугубой деликатностью, в ущерб стилю Манфред формулировал свое мнение по вопросу, который он считал малозначимым в историческом плане, но историографически острым.

«Режим, установившийся во Франции (после 18 брюмера – А.Г.) был автократией, единоличной диктатурой, самодержавием, просвещенной деспотией, чем угодно, но только не тем, чем официально назывался. Это не было больше республикой»³⁴. Интерпретация Манфреда не расходится с мнением Тарле, который называл генералатриумфатора «неограниченным властителем после 18 брюмера»³⁵. Различие между учеными заключалось не в оценке исторического факта, а в психологической характеристике исторического героя.

Речь идет не об отдельном факте и не о частном случае. Если ограничиться историко-художественной стороной творчества, можно свести главное различие между двумя учеными к одной фразе: у Тарле Наполеон скульптурен, у Манфреда – живописен. Уверен, корректно

³¹ Там же. С. 89.

³² Там же. С. 178.

³³ Там же. С. 415.

³⁴ Там же.

³⁵ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 385.

при этом рассуждать не только о различии индивидуальных творческих манер, но и о влиянии господствовавших вкусов соответствующей исторической эпохи. Оба ученых – могло ли быть иначе – исповедывали классовый подход, оба ссылались на «неодолимые» исторические или экономические законы; но при всем том Манфред гораздо заметнее продвинулся в психологической характеристике общего героя.

Это видно, что называется, невооруженным взглядом уже по оглавлению. Вот, например, названия в книге Манфреда первых трех глав – «Под знаменем идей Просвещения», «Солдат революции», «Генерал Директории»; у его предшественника – соответственно: «Ранние годы Наполеона Бонапарта», «Итальянская кампания. 1796-1797 гг.», «Завоевание Египта и поход в Сирию. 1798-1799 гг.». В отличие от Тарле, описание государственного переворота у Манфреда разделено на две главы: «Накануне брюмера» и «18-19 брюмера». Тем самым подчеркивается сложность, в том числе психологическая, проделанного Бонапартом пути к совершению переворота, тогда как у Тарле история этого события выглядит скорее инсценировкой.

Не имеет аналога в книге Тарле чрезвычайно насыщенная в психологическом отношении глава 13 «Вверх и вниз», где Манфред систематизирует наблюдения о духовной трансформации своего героя. Подытожу: жизненный путь Наполеона Бонапарта, в изображении Манфреда, предстает перед читателем сплошь и рядом как перепутье. Автор увлеченно характеризуют возникавшие в биографии героя исторические перекрестки, отмечает его колебания, позволяющие предположить возможность альтернативных действий.

Некоторые советские историки в первых рецензиях на книгу Тарле критиковали автора за обеднение эмоционального мира Наполеона. Деятельность героя, писал Е.А. Адамов, «во все периоды... окрашена в один цвет, наполнена одним содержанием: деспотизмом». Рецензент находил, что одностороннее выделение при характеристике Наполеона жажды власти приводит к искажению образа, что подчинение, например, властолюбию собственно интимной сферы достигается «ценой частичного умерщвления личности Наполеона». В конечном счете, заключал критик, представление властолюбия «ключом понимания исторической роли» Наполеона Бонапарта упрощает эту роль³⁶.

Во многом то была справедливая критика и, прежде всего, в отношении любовно-лирической сферы жизни героя. Мало сказать, что автор недооценил тему «Наполеон и женщины»; создается впечатление, что он просто от нее отделался. Конечно, хотя бы по историографическим причинам Тарле не мог пройти мимо союза с Жозефиной

³⁶ См.: Исторический журнал. 1937. № 3-4. С. 242-244.

Богарне, более того историк признает глубокую пожизненную привязанность Наполеона к предмету его первой зрелой любви. Но вся тема оказывается лишь поводом для полемического противопоставления лирики политике и выявления – в который раз – природной наполеоновской деспотичности. В первой главе читаем: «Чтобы уже (в самом начале книги! – А.Г.) покончить с этим вопросом и больше к нему не возвращаться, скажу, что ни Жозефина, ни вторая его жена Луиза-Мария Австрийская, ни г-жа Ремюза, ни актриса м-ль Жорж, ни графиня Валевская и никто вообще из женщин, с которыми на своем веку интимно сблизился Наполеон, никогда сколько-нибудь заметного влияния на него не только не имели, но и не домогались, понимая эту неукротимую, деспотическую, раздражительную и подозрительную натуру... Беспрекословное повиновение и подчинение его воле – вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала»³⁷.

Зато Жозефина, а с нею женские качества и женская тема вообще получили полную и замечательную реабилитацию под пером А.З. Манфреда, историка из другого времени. «Жозефина, – пишет он о последнем периоде их союза, – оставалась единственной женщиной, может быть даже единственным человеком, сохранявшим влияние на Бонапарта... Все слабости, все недостатки жены были для Бонапарта очевидны. И все-таки он оставался к ней бесконечно привязан, она удерживала над ним какую-то власть... Она владела особым даром располагать к себе людей. Со своей новой ролью первой дамы Франции она справлялась легко и уверенно... В той трудной и сложной игре, которую пять лет, с 1799 года, вел Бонапарт, она ему помогала больше и лучше, чем кто-либо иной... Она была самым умелым, самым надежным союзником и другом во всех его трудных партиях»³⁸.

Духовный мир Бонапарта у Манфреда оказывается богаче и, во всяком случае, разнообразнее. Возьмем еще одну параллель – отношение к науке и ученым. «Бонапарт, – писал Тарле, – никогда не проявлял особо глубокого уважения к гениальным изысканиям своих ученых современников, но он великолепно сознавал, какую огромную пользу может принести ученый, если его направить на выполнение конкретных задач»³⁹. Такому утилитарному предназначению науки, подтверждающему, по Тарле, сугубо политический прагматизм героя, противопоставлена оценка Манфреда. Оказывается, по инициативе командующего, пригласившего большую группу ученых принять участие в

³⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 42-43.

³⁸ Манфре А.З. Указ. соч. С. 419-420

³⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 69.

Египетской экспедиции – знаменательный культурно-исторический факт сам по себе – на флагманском корабле по пути в Египет обсуждались самые разные, в том числе мировоззренческие проблемы. Иначе говоря, Наполеон Бонапарт проявлял широкую научную и житейскую любознательность, совершенно, кстати, естественную для образованного человека «философского века».

И опять же органичной чертой для наследия эпохи Просвещения (это ведь были не одни идеи, но и вкусы, потребности, одним словом – культура) выглядят, на что указывал Манфред, особенности наполеоновского честолюбия. Оно подразумевало не только военные и политические победы, не только удовлетворение властолюбия, на котором сосредоточился Тарле, но и, например, признание и уважение в сообществе ученых. «Из всех наград и отличий, выпавших на долю Бонапарта (после Итальянской кампании 1796-1797 гг. – А.Г.), избрание в Институт доставило ему наибольшее удовольствие. Он аккуратно посещал все заседания... он отказывался от встреч с политическими деятелями, но всегда охотно беседовал с учеными, в особенности с математиками – Лагранжем, Лапласом, Монжем, химиком Бертолле. Он придавал такое большое значение своему избранию... что... даже в приказах по армии подписывался: “Бонапарт, член Национального Института, командующий английской армией” (т.е. армией вторжения – А.Г.)»⁴⁰.

В целом попытка Манфреда уйти от утвердившейся схемы Наполеона-деспота, изобразив личность исторического героя более объемной, многосторонней, а его жизненный путь более сложным и драматичным, несомненно, удалась. Однако в психологизации этого исторического образа есть, на мой взгляд, и спорные моменты, в которых явственны особенности исторической концепции ученого и господствовавшего мировоззрения его времени. В соответствии со своей концепцией, автор вычерчивает некую траекторию жизненного пути героя – «вверх и вниз», причем путь «вниз» определенно увязывается с учреждением империи и последовавшим за этим «усилением деспотизма».

В противовес концепции деспота «прирожденного» или, по меньшей мере, «соприродного» своей эпохе Манфред выдвигает идею «самоослепления»⁴¹. Перед нами образ человека и политического деятеля, «сбившегося с пути», изменившего, другими словами, своему историческому предназначению. «Умный и талантливый человек, умевший когда-то соразмерять свои желания и цели с объективным

⁴⁰ Манфред А.З. Указ. соч. С. 196.

⁴¹ Там же. С. 542, 549

ходом исторического развития, он, – пишет Манфред о Наполеоне-императоре, – и не заметил, как сбился с пути, потерял верное направление». «По мере своего превращения в диктатора, императора, обладавшего неограниченной властью, он, – доказывает историк, – отрывался от действительности, он переставал ее ясно видеть и понимать»⁴².

В результате исторический финал превращается в цепь фатальных ошибок. Одни из них носили частный характер, например, сохранение в своем окружении предателей: Манфред называет Талейрана и Фуше. Другие – общий, более того, общеисторический. Тарле в определении причин краха наполеоновской империи был немногословен, возможно, прямолинеен: даже если бы не «ряд фатальных случайностей», на которые любят ссылаться историки, даже в случае победы под Ватерлоо, конец был бы тот же самый. «Империя, – пишет Тарле, – погибла бы потому, что Европа только начинала разворачивать все свои силы, а Наполеон уже окончательно истощил и свои силы, и военные резервы»⁴³.

Для Манфреда же «источник мощи наполеоновской армии» имел, так сказать, качественную природу: «В той мере, в какой она продолжала дело революции и опиралась на ее подспудные силы, она могла побеждать врагов, представлявших хотя и сильный, но уже обреченный вчерашний мир»⁴⁴. Историк оспаривает «количественный» подход в принципе, и соответственно в драме императора явственней вырисовываются психологические и исторические альтернативы. Сделавшись императором, указывает Манфред, Наполеон перестал учитывать «категории, не поддающиеся пересчету ни в миллионах франков, ни в количестве дивизий», а именно: национальные чувства и революционные стремления⁴⁵. Исторической развилкой, считает Манфред, стал 1805 г., когда командующий победоносной французской армией мог бы «провозгласить освобождение венгров, чехов, словаков... привлечь австрийскую буржуазию, поднять на борьбу буржуазию и народ германских земель». «Если бы Бонапарт, – полагает Манфред, – оставался верен принципам антиавстрийской кампании 1796 года, стратегии социальной войны с ее ориентацией на союз с угнетенными народными массами... Аустерлиц мог бы стать началом могущественной, неодолимой антифеодальной и национально-освободительной революции в Центральной Европе»⁴⁶.

⁴² Там же. С. 482, 549.

⁴³ Тарле Е.В. Указ. соч. С.357.

⁴⁴ Манфред А.З. Указ. соч. С. 482.

⁴⁵ Там же. С. 549.

⁴⁶ Там же. С. 477.

Отказ от этой альтернативы привел, по Манфреду, к социально-исторической и психологической деградации, имевшей неотвратимые последствия для самого Наполеона, его окружения и империи. Здесь психологизация сливается с классовым подходом: «Лучше, чем кто-либо из его современников, он (Наполеон – А.Г.) воплотил в себе все сильные стороны буржуазного мышления, буржуазного духа. Но это же стало и источником слабости. Превратившись из буржуазного революционера в буржуазного императора, деспота, агрессора, он потерял присущую ему в молодости дальновзоркость. Он перестал понимать то, что выходило за круг корыстных интересов его класса или собственных интересов и честолюбивых своих замыслов»⁴⁷.

Эта классово обусловленная метаморфоза «стала главной причиной его личной трагедии; она привела его в конечном счете к гибели». Автор не жалел эпитетов, разоблачая позднего Наполеона как выразителя «идеологии доведенного до крайностей буржуазного эгоизма, идеологии агрессора, живущего по волчьим законам». Явившиеся порождением такой идеологии «культ силы, преклонение перед силой батальонов и пренебрежение к интересам и воле народа, положенные Наполеоном в основу своей политики примерно с 1805-1808 годов», повлекли за собой, констатировал историк, «фатальные просчеты»⁴⁸.

Пылкое развенчание автором своего героя не могло не привлечь внимание: последовали отклики, как за рубежом⁴⁹, так и в СССР. «Единственно в чем, нам кажется, можно упрекнуть А.З. Манфреда, – писал Г.Г. Пайчадзе, – это более сдержанное освещение величия Наполеона в отличие от блестящего анализа процесса перерождения и негативной стороны его деятельности. Избегая деталей, подробного описания позитивной стороны деятельности Наполеона, А.З. Манфред, тем самым, в какой-то степени умаляет значение сильных сторон его личности»⁵⁰. Другому рецензенту показалось даже, что вообще книгу можно разделить на две части: «первая посвящена Наполеону – великому историческому деятелю, вторая – Наполеону – ничтожному и мелкому, ограниченному буржуа и солдафону»⁵¹.

Оба рецензента впадают в схематизацию (позитив – негатив, великий – мелкий). Сам автор избегает ее благодаря динамике своего анализа, хотя выбором формы контрастных сопоставлений, несомненно, дает

⁴⁷ Манфред А.З. Указ. соч. С. 552.

⁴⁸ Там же. С. 546.

⁴⁹ См.: Оболенская С.В. Зарубежные историки о книгах А.З. Манфреда //ФЕ. 1986. М., 1988. С. 253.

⁵⁰ См.: Вестник АН Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1973. № 1. С. 172.

⁵¹ Молчанов Н.Н. Указ. соч. С. 14.

основания для того хода мыслей, которому следуют рецензенты. Выскажу свои соображения. В характеристике «нисхождения» героя заметна некая, кажущаяся даже нарочитой, огрубленность стиля. Создается впечатление, что автор не справляется с эмоциями. Антибуржуазность, тираноборчество, антимиитаризм – все это было востребовано, хотя и по-разному в различных кругах советского общества, в разных слоях общественного сознания. Но вполне допускаю, что определенная избыточность лексики порождена личными переживаниями автора, его глубокой увлеченностью судьбой своего героя⁵².

В любом случае, хотя классовая мотивация определенно выходит на первый план, Манфред остается верен принципу многомерности изображения. Сама социальная детерминированность предстает в его книге не только каноническим «обуржуазиванием». «Раньше, чем Наполеон был побежден на поле битвы, он, – пишет Манфред, – потерпел поражение... в невоенной сфере... Его победила незримая, неосязаемая, неодолимая сила старого мира». Сделавшись императором, учредив свой двор и новое дворянство, погрузившись в политику династических расчетов, «он становился пленником обычаев, духовных норм, морали, даже внешнего облика старого общества»⁵³.

Стоит отметить и чисто психологические оценки «нисхождения». Интересна, например, выявляемая Манфредом эволюция «артиста», превращающегося в «игрока». В пору возвышения у Наполеона Бонапарта как часть его многостороннего дарования автором выделяется «огромный актерский талант», позволявший овладеть ситуацией в затруднительных случаях; позже он представляется Манфреду «игроком», не владеющим ни собой, ни ситуацией. Побуждает задуматься и обнаруживаемая историком трагедия утраты среды полноценного общения. Как неизбежный спутник единоличной власти, это приводит героя сначала к духовному одиночеству, а потом и «духовному одичанию»⁵⁴.

Вместе с императором перерождению подвергалось и создававшееся им новое дворянство: «Полководцы наполеоновской армии... превратившись в богатых аристократов, в собственников огромных

⁵² Примечательно, что в книге Манфреда, в отличие от биографии Тарле, нет главы о пребывании Наполеона на острове Св. Елены. По словам дочери, Галины Альбертовны Кузнецовой, отец не хотел (не мог?) писать об этом трагическом финале. Поэтому жизнеописание своего героя А.З. завершает прощанием с Францией перед отправлением на английский бриг: «Он повернулся и сделал решительный шаг вперед – шаг по дороге, уводящей в никуда, шаг в небытие» (*Манфред А.З.* Указ. соч. С. 705). У Тарле получился другой финал – в духе, я бы сказал, «оптимистической трагедии».

⁵³ *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 544.

⁵⁴ Там же. С. 113, 572.

имений, дворцов, больше не хотели ни воевать, ни служить». Напрашивается известный вывод, и автор не обходится без него: «Золото все разьедало, все превращало в тлен»⁵⁵. К кому больше относилась эта морализация – к французским революционерам XVIII в. или к «новому классу», возникшему после революции в СССР? Не знаю, лишь в который раз прихожу к выводу, что бремя исторических аналогий неизменно тяготеет над отечественной историографией, как и над национальным сознанием.

Но историк не ограничился моралистическими сентенциями. Следуя своему историко-психологическому методу, Манфред стремится раскрыть нравственную и духовную деградацию «когорты Бонапарта» искусством психологического портрета. Вот – герцог д'Абрантес, которому катастрофически не хватает денег при огромных доходах: «Кто мог бы узнать в этом пресыщенном, тяжеловесном человеке с расплывшимися чертами лицами, небрежными жестами, равнодушным взглядом погасших глаз молодого офицера, полного жизни и отваги, именуемого в узком кругу “Жюно-буря”?»⁵⁶. В подобных типологических образах (Барраса, Бернадота, Сиейеса, Талейрана и др.) перед читателем предстает культурно-историческая драма эпохи, как ее увидел советский историк. Сознательно или нет, Манфред создавал, разумеется эскизно, своеобразный аналог «Человеческой комедии» Бальзака.

К числу «фатальных просчетов» французского императора как следствия его «самоослепления» советский историк относил и вторжение в Россию. Вообще, отмечая то новое, что было внесено Манфредом в отечественную историографию, нельзя не коснуться темы франко-русского союза⁵⁷. В биографии Наполеона ей посвящена специальная глава, занимающая центральное место в книге и солидно обоснованная дипломатическими документами, включая архивные материалы.

Наполеон Бонапарт выступает у Манфреда убежденным сторонником союза с Россией, а сформулированный первым консулом в январе 1801 г. вывод «Франция может иметь союзницей только Россию»⁵⁸ – продуманным и обоснованным. Историк придает этому выводу, можно сказать, непреходящее значение. Если сама идея союза с Россией трактуется «новым словом, внесенным Наполеоном в историю французской

⁵⁵ Манфред А.З. Указ. соч. С. 547.

⁵⁶ Там же. С. 533.

⁵⁷ Нужно ли упоминать, что историк специально работал над темой отношений Франции с Россией и СССР. Незадолго до смерти вышел его фундаментальный труд (см.: Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975).

⁵⁸ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. С. 334.

внешней политики»⁵⁹, то неоднократно повторяемый на страницах книг вывод выглядит своего рода политическим завещанием императора.

Итак, если согласно установкам 30-х годов наполеоновская тема должна была звучать для советского читателя героическими фанфарами в честь разгрома Наполеона и его армии, то советский историк 60-х нашел в этой теме неожиданный поворот, увидев еще один источник для вдохновения. Многие, я думаю, помнят, что Манфред (как всегда, вместе с Далиным) выступал красноречивым пропагандистом сближения Советского Союза с Францией, пламенным поборником научно-культурного взаимодействия и развития гуманитарных связей между народами двух стран. И многозначительный факт – при политике разрядки, в условиях ослабления международной напряженности эта линия находила поддержку в официальных инстанциях. «Правильное понимание современной международной обстановки и роли в ней франко-советского сотрудничества, – указывалось в рецензии центрального партийного органа на книгу Манфреда о Наполеоне, – невозможно без глубокого изучения истории»⁶⁰.

Сопоставляя образы, созданные вдохновением и мастерством двух выдающихся отечественных историков, я не могу прийти к однозначному заключению. Разумеется, бесконечно далеко от нас и, можно надеяться, безвозвратно ушло время, когда писал своего Наполеона Е.В. Тарле. Но многое отделяет нас, живущих в начале XXI в., от времени создания образа Наполеона Бонапарта А.З. Манфредом. В различиях отразилась не только эпоха, в которой они творили, отразились и их личные особенности. Оба были талантливы и убедительны в меру своего таланта, но каждый выделял свое и потому-то у современного отечественного читателя есть возможность выбора.

В очень многом расхожусь я мировоззренчески или, точнее, по мироощущению с Тарле, но вот читаю конец его жизнеописания Наполеона: «Через четыре дня гроб вынесли из Лонгвуда. В похоронном шествии, кроме свиты и служителей, принял участие весь гарнизон в полном составе, а также все матросы и морские офицеры, все гражданские чиновники с губернатором во главе и почти все население острова. Когда гроб опускали в могилу, раздался гром пушечных салютов: англичане отдали мертвому императору последнюю воинскую почесть»⁶¹. Читаю и ощущаю прилив влаги к глазам, перечитываю – то же самое. А ведь меня никогда не привлекала эта личность.

⁵⁹ Там же. С. 603.

⁶⁰ Жуков Е.М. Новое исследование по истории Франции // Правда. 1972. 28 марта.

⁶¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 379.

В чем дело? Оба автора отметили человеческую личность как главную историческую ценность своего героя. У обоих раскрывается она, личность человека, оказавшего вровень со своей величественной и бурной, «переходной», как принято говорить, эпохой и сумевшего в ней реализоваться с такой мощью, что всю эпоху можно с определенным основанием назвать его именем. К сожалению, профессиональная наука не имеет пока методологии, позволяющей воссоздать как историческую личность индивидуальность простого человека. Историческая портретистика живописует выдающихся людей и сосредоточивается на их экстраординарных качествах. Тарле вполне следует этой традиции, однако воссозданный им исторический финал побуждает призадуматься.

Герой оказался обыкновенным, смертным человеком, но и смерть стала его триумфом. Победители, с которыми он непримиримо враждовал всю жизнь, почтили своего пленника, как могли, и почтили как воина. Наполеона многие и многократно сопоставляли с диктаторами XX в., да и сами диктаторы испытывали склонность к таким сопоставлениям. Есть, тем не менее, примечательное отличие. Диктатор и император не только посылал людей на смерть. От Тулона до Ватерлоо он сам оставался на переднем крае сражений, не раз оказывался под прицельным огнем, не метафорически, а в прямом смысле водил солдат в атаку. Командующий верил своим солдатам как товарищам по оружию, а те, несмотря на все лишения, поражения, гибель однополчан и превосходство неприятельских сил до конца сохранили верность командующему, признавая в нем испытанного боевого товарища. И, подобно павшему солдату, он заслужил последнюю честь залпа над своей могилой.